

Научная статья
УДК 94(47).03/031
doi: 10.17223/19988613/80/20

Проблемы взаимоотношений русской церкви и монгольских ханов в дореволюционной и советской историографии

Юрий Вячеславович Сочнев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижегородский филиал,
Нижегород, Россия, ochnevjobmail@yandex.ru*

Аннотация. На основе достижений источниковедения и историографии рассматриваются результаты исследований роли православной церкви в период ордынского господства. Проблема взаимоотношений русской церкви и монгольских завоевателей привлекала к себе внимание еще в XVI в., но ее подлинно научное изучение началось лишь в XIX в. В трудах церковных историков XIX – начала XX в. была заложена весомая основа для будущих исследований.

Ключевые слова: история русской церкви, роль церкви в ордынский период, Золотая Орда, льготы ханов митрополитам, отечественная историография, советская историография

Для цитирования: Сочнев Ю.В. Проблемы взаимоотношений русской церкви и монгольских ханов в дореволюционной и советской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 170–179. doi: 10.17223/19988613/80/20

Original article

Issues of the relationship between the Russian church and the Mongolian khans in the pre-revolutionary and soviet historiography

Yury V. Sochnev

Higher School of Economics National Research University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ochnevjobmail@yandex.ru

Abstract. It seems indisputable that there are considerable blank spaces in studying history of church during the period of Mongolian sovereignty over Russia. In addition, completely different points of view in the pre-revolutionary and Soviet historiography on the aforementioned problem make some difficulties in interpretation of events. The purpose of this article is to consider results of researches about the role of the Orthodox Church during the period of Mongolian domination on the basis of achievements of the source study and historiography, taking into account modern methodological positions. It allows to define historians' views on the place of the Russian church in the system of the Russian-Golden Horde relationship.

The issue of relationship between the Russian church and the Mongolian conquerors was raised in the 16th century because of the confrontation between the Josephites and Non-possessors. The khans' grants were used by the Orthodox hierarches as an argument in a polemic about possession of church lands.

In the 18th century representatives of rationalistic historiography paid attention to the Russian church's role during the Horde period (M. M. Shcherbatov). Veritable academic research of the problem began only in the 19th century along with preparation of the general courses of the church history.

Metropolitan Platon (Levshin), the archbishop Filaret (Gumilevsky) and especially archbishop Makari (Bulgakov) made a significant contribution in the problem statement, accumulation of data and defining primary approaches to studying. The research of the Moscow spiritual academy Professor E.E. Golubinsky was to some extent a result of development of all pre-revolutionary historiography of the subject. Even now it might be assessed as one of the most comprehensive and full. P. P. Sokolov's research and the other ones are also noteworthy.

Russian sources were the main basis for the studying of relationship between the Russian church and Mongols in the 19th- the beginning of the 20th century since the Oriental sources were not adequately studied yet. History of the Golden Horde was also investigated not enough for making any difference. Khans' labels were the only sources of the Golden Horde attracted for the solution of the specified problems. Studying of labels became a special field in historiography, so it has a significant value for the abovementioned issue. It is important to note that the authors of 19th - the beginning of the 20th century created an essential foundation for future researches.

The Soviet period must be considered as less fruitful. In the majority of works devoted to history of church ideological and atheistic interests prevailed over scientific issues. The problem of relationship between the Russian church and the

Golden Horde in these works was not comprehensively investigated. Soviet authors used the outdated or obviously tendentious approaches and conclusions based on M. N. Pokrovsky's concept. It led to a distortion of the role of clergy during domination of the Mongolian khans over Russian lands. New approaches to studying of this theme were outlined in researches in the last years of Soviet historiography.

A conclusion about support provided by the Russian church to the Golden Horde which was dominating in the Soviet historiography seems to be speculative, predetermined by Marxist and atheistic methodology of historical studies in this period, since it has no actual confirmation in the written sources. So, the majority of authors who continue to write about the problems connected with history of church dramatically changed their assessments.

Keywords: history of the Russian church, a role of church during the Golden Horde period, the Golden Horde, privileges of khans to metropolitans, Russian historiography, Soviet historiography

For citation: Sochnev, Y.V. (2022) Issues of the relationship between the Russian church and the Mongolian khans in the pre-revolutionary and soviet historiography. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 170–179. doi: 10.17223/19988613/80/20

Начало изучения указанной проблемы восходит к XVI в., когда заканчивалась летописная эпоха и начинали пробиваться первые ростки научного исторического познания. Возникшие в начале века в связи с борьбой иосифлян и нестяжателей риски для реализации практических интересов русской церкви весьма серьезно актуализировали проблемы ее взаимоотношений с монгольскими завоевателями, которые к тому времени еще были свежи в памяти. В соборном ответе 1503 г. Ивану III, подготовленном при митрополичьей кафедре, пожалования ханов были выдвинуты в качестве одного из фундаментальных аргументов в полемике об обладании церковными землями [1. С. 328–329].

В XVIII в. представители рационалистической историографии обращали внимание на роль церкви в период иноземного владычества (М.М. Щербатов), но подлинно научное изучение обозначенной темы началось лишь в следующем столетии. В XIX в. ее разработка велась преимущественно в рамках общих курсов истории церкви, подготовка которых оставалась прерогативой высшего духовенства. Это объясняется цензурными условиями того времени и степенью развития исторической науки. Первым трудом, претендовавшим на систематическое изложение церковной истории, была «Краткая церковная российская история» московского митрополита Платона (Левшина) [2]. Однако работа Платона больше напоминала свод фактических данных, излагаемых на основе повтора летописных сообщений и других источников. По рассматриваемой проблеме митрополитом Платоном были отмечены льготы церкви и веротерпимость ханов. В качестве главной причины такого положения дел автор выдвинул языческие верования кочевых народов [Там же. С. 136–137]. Первая целевая систематизация материалов с краткими комментариями была хотя и небольшим, но все же шагом в развитии темы.

Следующей работой, в рамках которой исследовалась проблема взаимоотношений церкви и монголов, стала «История русской церкви» архиепископа Филарета (Гумилевского) [3]. В последующем периодизация истории церкви, предложенная Филаретом, была признана и во многом послужила основой для трудов его последователей. Источниковая база этого исследования была заметно шире, чем у митрополита Платона. Здесь период монгольского владычества над русскими землями был представлен как самостоятельный раздел в истории церкви. Автор пытался далее систе-

матизировать и анализировать материал. Хотя, как и в предыдущем труде, полученные от ханов привилегии церкви были объяснены их веротерпимостью, в ряде моментов заметно продвижение в развитии интересующей нас темы. Архиепископ Филарет выделил в истории завоевателей период язычества и период, когда в их среде стал утверждаться ислам, совершенно справедливо констатируя и тогда сохранение доброжелательного отношения к христианству. В работе дается подборка сведений о случаях обращения монголов в христианство, приводится много интересных материалов по теме. Однако в общем объяснении событий этого периода истории церкви Филарет выступает как представитель формальной богословской школы, который заменяет конкретно-исторический анализ априорными рассуждениями общерелигиозного характера.

Следующим автором, обратившимся к интересующей нас проблематике, был архиепископ Макарий, впоследствии митрополит Московский. В 1859 и 1861 гг. в академическом духовном журнале «Христианское чтение» были опубликованы две его статьи, рассматривающие историю церкви во времена монгольского господства [4, 5]. Данные статьи составили одну из основ появившейся позже фундаментальной «Истории церкви». Монгольский период существования русской церкви рассматривается в 4-м и 5-м томах труда архиепископа Макария [6]. Как и все 12 томов, они отличаются большой фактической полнотой, наличием примечаний и объемистых приложений, где публиковались малоизвестные и еще не изученные источники. Эту сторону исследования выразительно охарактеризовал А.В. Карташов: «Выдающееся достоинство монументального творения митр. Макария – это его пока еще не превзойденная фактическая полнота, благодаря которой оно представляет для историков русской церкви такую же сокровищницу специального знания, какой является история С.М. Соловьева для общей истории России» [7. Т. 1. С. 28]. Фактическое богатство исследования представляет несомненный интерес и для современных историков. Однако автор не всегда справляется с объемом приводимого материала и порой предстает просто как его собиратель. В работе мы уже не найдем открытых ссылок на помощь Божию. Архиепископ Макарий обозначил многие аспекты взаимоотношений церкви и ханов, но в работе мы не увидим их всестороннего анализа, а лишь систематически подобранные по ним материалы. Как и у предше-

ственников, говорится о веротерпимости монголов, отмечаются проникновение русского духовенства в далекую Монголию и факт создания Сарайской епархии, приводятся сведения о крещении представителей монгольской аристократии и простых кочевников [6. Т. 4, кн. 1. С. 115–126]. Существенным пробелом оказалось отсутствие материалов об экономическом положении церкви, что, впрочем, объясняется общим состоянием исторической науки в то время. Единственным источником, отчасти компенсирующим этот недостаток, явились ханские ярлыки. Их комплекс рассматривался в 5-м томе в разделе о правовом положении церкви, здесь автор опирался на работу востоковеда В.В. Григорьева о ярлыках [8]. Вслед за ним архиепископ Макарий считает достоверными семь ярлыков, в том числе и подложный ярлык митрополиту Петру от хана Узбека. Это сказалось на выводах автора в отношении объема предоставляемых на основе ярлыков привилегий. Постановка вопроса об объеме прав церкви в связи с ярлыками является несомненной заслугой архиепископа Макария, но его решение нельзя признать удовлетворительным. Историк церкви считал, что ярлыки освобождали духовенство и церковных людей от всякой ответственности перед светскими властями, в том числе в судебной сфере, даже по делам о разбое и убийстве. По его мнению, ханские грамоты подчиняли этих людей только церковным властям и судам [6. Т. 5, кн. 2. С. 46]. Несмотря на наличие некоторых выводов, которые современными исследователями не могут быть приняты, у архиепископа Макария есть интересные наблюдения; так, было отмечено, что монголами были оставлены в силе все прежние узаконения русских князей в пользу церкви [Там же. С. 32]. К сожалению, автор не обратил внимания на возникающее после этого утверждения противоречие с выводом о правах церкви в связи с ярлыками и не попытался его разрешить. В работе практически не рассматривалось участие церкви в политических делах, в ряде случаев проявляется недостаточно критичный подход к источникам. В целом же труд архиепископа Макария был значительным шагом в исследовании взаимоотношений церкви и монгольских завоевателей.

Примером иного разворота темы явилась небольшая работа П. Образцова [9]. Рассматривая вопрос о значении деятельности церкви в период завоевания и владения монголов над русскими землями, автор пишет: «Прежде всего, конечно, влияние духовенства в этот тяжкий период нашей отечественной истории было влияние нравственное» [Там же. С. 91]. Акцентируя внимание только на роли церкви в деле формирования нравственных норм, распространения просвещения и сохранения национальной культуры П. Образцов не касался вопросов участия духовенства в политической и дипломатической деятельности, не затрагивал экономических условий ее существования. При всей правомерности и значимости подобного подхода к проблеме нельзя не отметить односторонность позиции автора и некоторую субъективность выводов. Говоря о положении, сложившемся после завоевания Руси, автор писал: «Теперь проводимая духовенством идея, в силу которой иго монголов есть не больше, как нака-

зание Божие за грехи народа, подрывала мысль о непобедимости монголов в самом ее основании, и таким образом снова пробуждала энергию духа в народе, обещала ему прежнюю религиозную и политическую самостоятельность» [Там же. С. 106]. Написанная без привлечения необходимого количества источников, данная работа предстает более публицистическим, нежели конкретно-научным произведением.

В качестве определенного итога дореволюционной русской историографии истории церкви можно рассматривать впечатляющий труд профессора Московской духовной академии (с 1903 г. академика) Е.Е. Голубинского [10]. Его взгляды на многие вопросы церковной истории были далеки от официального направления. Пройдя путь от костромского семинариста до академика, Е.Е. Голубинский благодаря своим фундаментальным знаниям и трудолюбию сумел занять видное место среди крупнейших историков своего времени. Интересующие нас проблемы рассматривались в томе 2 (часть 1) его «Истории русской церкви». Свое изложение состояния церковных дел во время каждого митрополита при монголах автор сопровождает конкретными и очень информативными наблюдениями о фактах взаимоотношений духовенства с ордынскими властями. Но главный интерес для нас представляет отдельный раздел «Порабощение Руси монголами и отношение ханов монгольских к русской церкви или вере русских и к их духовенству», где концентрированно излагаются взгляды на причины веротерпимости монголов и дается анализ правового положения церкви на основе ханских ярлыков.

Строго научная почва, на которую всегда стремился опираться Е.Е. Голубинский, позволяла ему оставаться объективно точным. Характеризуя положение церкви под властью ордынских ханов, он писал: «Таким образом, этот бич Божий, обрушившийся на наше отечество, не явился по крайней мере бичем для церкви, т.е. не явился бичем для последней по крайней мере со стороны ее внешней свободы и внешнего положения» [Там же. Ч. 1 С. 17]. Описывая веротерпимость завоевателей, он прослеживал данный феномен с момента образования государства Чингиз-хана, рассматривал религиозные и политические причины ее проявления. По истории Золотой Орды сделано интересное наблюдение, вслед за Филаретом (Гумилевским) автором выделено два периода религиозной политики Джучидов. В первом доминировала добровольная веротерпимость, определяемая язычеством, во втором – по необходимости, в условиях победившего ислама, но слабо укоренившегося, при сохранении действия Великой ясы Чингиз-хана. Как исследователь Е.Е. Голубинский определил некоторые важные подходы к изучению конкретной истории церковно-ордынских отношений и сделал здесь интересные зарисовки. В целом же он характеризовал проблему следующим образом: «История фактически формальных отношений ханов золотоордынских к русской церкви и русскому духовенству как страны покровительствующей к стороне покровительствуемой, т.е. история того, в каких формах и каким порядком ханы золотоордынские на деле заявляли русской церкви и ее духовенству свое признание

их неприкосновенности и прав, остается недостаточно известною» [10. Ч. 1. С. 27].

Весьма содержательными оказались рассуждения о правовом положении церкви, сложившемся после выдачи ханских ярлыков. Автор и здесь сумел остаться объективным, указав на спорность и неясность многих моментов. В этой связи следует иметь в виду, что Е.Е. Голубинский, как и Макарий, использовал как достоверный источник сохранившийся поздний текст ярлыка митрополиту Петру, якобы пожалованный ханом Узбеком, но позже М.Д. Присёлковым [11] и П.П. Соколовым [12] было доказано, что документ является подложным. Поэтому к его выводам, сформулированным на основе данного ярлыка, о соотношении прав светской и духовной властей следует подходить критически.

В рассматриваемом труде исследовались некоторые вопросы участия церкви в политической борьбе, взаимодействий с русскими князьями, но недостаточно было уделено вниманию экономическим основам деятельности церкви. Благодаря широте поставленных проблем и богатству сообщаемых фактов исследование Е.Е. Голубинского до сих пор сохраняет научную значимость. По интересующей нас теме оно остается во многом наиболее всесторонним и полным, несмотря на появление позже других работ.

Среди дореволюционных работ также вызывает интерес исследование киевского ученого П.П. Соколова [13]. Изучение действия византийских правовых и канонических норм в русском обществе проводится им на широком фоне конкретных событий церковной и государственной истории. Значительное место в книге отведено периоду XIII–XIV вв. Материалы разделены по временам управления церковью русскими митрополитами, деятельность которых подробно обрисована автором. При этом рассматриваются многие вопросы участия церковных иерархов в политических делах, взаимоотношениях с Ордой и русскими князьями. В данных разделах П.П. Соколов подробно останавливался на состоянии церкви после завоевания Руси, отмечал перемещение церковного центра из Киева во Владимир, давал характеристику изменениям правового и экономического положения духовенства, привлекая для этого ханские ярлыки. Размышления автора над ярлыками, объяснение их содержания представляют интерес для источниковедческого изучения этих документов.

В связи с рассматриваемой проблематикой нельзя не отметить работу священника Н.А. Соловьева, посвященную истории Сарайской епархии [14]. В ней рассматриваются причины и условия создания этого церковного института, прослеживается его дальнейшая историческая судьба. Здесь мы не найдем широких обобщений и выводов, поскольку работа написана как комментарий к обширнейшему своду фактических сведений обо всех известных сарайских епископах.

К обозначенному направлению в дореволюционной историографии следует отнести и книгу русского историка церкви за рубежом А.В. Карташёва [7]. Доцент Петроградской духовной академии, обер-прокурор Синода и затем министр вероисповеданий во Временном правительстве в 1917 г., в эмиграции он стал про-

фессором русской духовной академии в Париже, готовившей кадры православного духовенства для стран Западной Европы и Америки. По своей методологии и источниковой базе его труд обнаружил связь с дореволюционной наукой, поскольку и задуман был еще в России. В освещении интересующего нас периода «Очерки» Карташева не дали новой интерпретации, выступая, по признанию самого автора, как труд, «не претендующий на новую научную разработку, повторительный и обобщительный...» [Там же. Т. 1. С. 9]. Рассматривая вопросы о контактах церкви и монгольских ханов, автор следовал в русле исследований Е.Е. Голубинского, повторяя многие его выводы и даже структуру работы. В то же время в «Очерках» есть некоторые интересные комментарии и наблюдения.

Характерной чертой изучения взаимоотношений русской церкви и монгольских завоевателей в XIX – начале XX в. являлась постановка проблем главным образом на материалах русских источников. Восточные источники не были в достаточной мере изучены и лишь начинали вводиться в научный оборот, поэтому не могли служить основанием широких обобщений и выводов. Также на начальном уровне находилась разработка истории Золотой Орды. Медленный процесс выявления, накопления и научного осмысления сведений в этой области исторического знания был одной из основных причин, тормозивших ее изучение в полном объеме. Это сказывалось и на исследовании проблем взаимосвязей Руси с завоевателями, влияния монголов на покоренные страны и народы. Без изучения вопросов общественной жизни Золотой Орды, истории ее государственности невозможно составить полное и правильное представление о конфессиональной политике ханов, конкретных особенностях ее этапов и в целом об их отношении к русской церкви.

В следующие 75 советских лет историографические достижения оказались, к сожалению, менее плодотворными. В силу партийного руководства развитием исторической науки вопросы церковной истории не были отнесены к приоритетным. В большинстве работ по истории церкви идеологические и атеистические интересы, часто вульгарно понимаемые, превалировали над научными задачами. Проблема взаимоотношений русской церкви и золотоордынских правителей не подвергалась в этих трудах специально рассмотрению во всем объеме. В лучшем случае авторы уделяли внимание локальным моментам, опираясь на дореволюционные исследования, которые они же зачастую беспощадно критиковали, и на отдельные общедоступные к тому времени источники. Однако использование последних во многих случаях требовало дополнительного критического разбора, сопоставления с другими данными и даже специального источниковедческого изучения. Идеологическая детерминированность приводила к тому, что в значительном ряде исследовательских работ по данной проблеме использовались устаревшие результаты или заведомо тенденциозные выводы. Следствием этого явилось искаженное представление о роли духовенства в период властвования монгольских ханов над русскими землями. Поэтому более содержательными представляются исследования

последних лет существования советской историографии, в которых наметились новые подходы к изучению интересующей нас темы. Следует также отметить, что в работах советского времени по-прежнему сказывалась недооценка результатов изучения истории Золотой Орды, несмотря на большие достижения в разработке данного направления. Характерной особенностью являлось слабое использование материалов золотоордынской истории в разработке рассматриваемой темы, что также не способствовало выяснению объективной картины взаимоотношений высшего духовенства и ханских властей.

Первым в советской историографии попытку взглянуть на историю церкви под углом зрения классовой теории предпринял М.Н. Покровский. С именем этого известного марксистского историка, а в послереволюционный период государственного деятеля (председатель Моссовета, замнаркома просвещения), не связаны специальные исследования по церковной истории, тем не менее его взгляды надолго стали фундаментом советской историографической концепции взаимоотношений духовенства и монгольских завоевателей. Коротко изложим суть его построений. В духе своих общеисторических представлений М.Н. Покровский выделял процесс «феодализации» русской церкви и ее зависимость от государства в Киевский период. Характеризуя последующий исторический этап, марксистский историк писал: «Освобождением от такой зависимости церковь была обязана событию, очень тягостному для остальной нецерковной России, – завоеванию Руси татарами. Высший политический центр Руси переместился в Орду. За исключением Новгорода, епископ стал так же мало зависеть от веча своего родного города, как и князь. Но он перестал зависеть в то же время и от князя – по крайней мере юридически правовое положение церкви определялось теперь ханским ярлыком. В этих грамотах, данных «неверными» царями, привилегии русской церкви были закреплены так широко, как еще ни разу не было при благоверных российских князьях» [15. С. 107].

Сразу же обратим внимание, что М.Н. Покровским не учтены выводы дореволюционных исследователей о веротерпимости завоевателей и внешней свободе действий церкви в период господства Орды, оставлены в стороне также социально-экономические процессы, в значительной степени предопределявшие политические изменения. Вопрос о правовом положении церкви после завоевания Руси монголами решается не столь прямолинейно и односторонне, здесь необходимо принимать во внимание как религиозные верования и общий социокультурный уровень развития кочевников-завоевателей, политические цели монгольских властителей, так и факт сохранения своего действия в русском обществе правовых норм, установленных для церкви еще киевскими князьями. Важно также учитывать динамику русско-ордынских отношений в конкретные периоды по различным аспектам. Говоря об объеме привилегий духовенства, марксистский историк пишет: «Первый же из этих ярлыков... даровал православному духовенству не только самую широкую свободу вероисповедания, но и целый ряд “сво-

бод” гражданского характера» [Там же]. Если мы сопоставим это высказывание с приведенной выше цитатой, то возникает вопрос, кто же нарушал эту свободу вероисповедания до завоевания Руси? Ведь хорошо известно, что христианство и православная церковь были буквально внедрены в русское общество благодаря активной деятельности русских князей.

Далее М.Н. Покровский продолжает: «Ханские грамоты устанавливали... самый полный иммунитет церкви, каким только она пользовалась в Средние века где бы то ни было в Европе: восточному православию в этом случае не приходилось завидовать католицизму» [Там же. С. 109]. Едва ли можно согласиться с таким категоричным утверждением; даже церковные историки, при свойственной им апологизации православия и духовенства, были не столь решительны в своих констатациях и более близки к истине. Следует также отметить, что М.Н. Покровский повторяет ошибку предшественников, используя для обоснования своих выводов позднее Пространное собрание ханских ярлыков, причем не лучшее издание. Он ссылается на Собрание государственных грамот и договоров (Ч. 2. М., 1819), содержащее подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру. Если для дореволюционных историков это объясняется неизученностью ярлыков, то после появления работ М.Д. Присёлкова [11] и П.П. Соколова [12] подобная неkritичность к источникам вызывает удивление.

Характеризуя причины милостивого отношения ордынских ханов к русскому духовенству, ученый пишет: «Что церковь представляла в их распоряжение свое влияние на верующих – этого нельзя было не оценить, и естественно было наградить за это церковь привилегиями. А что эти последние стесняли власть местных светских правителей – это, конечно, Орде могло быть только приятно. Союз православной церкви и татарского хана на первых порах был одинаково выгоден для обеих сторон, а что впоследствии он окажется выгоднее первой, чем последнему, – этого татары не умели предусмотреть именно потому, что они были слишком практическими политиками. Пока они получали в свое распоряжение крупнейшую полицейскую силу, позволявшую заменить мечом духовный меч вещественный, который неудобно же было извлекать из ножен слишком часто» [Там же. С. 109]. Этот вывод, совершенно не обоснованный, ясно показывает идеологическую ангажированность автора и грешит модернизацией истории.

Попытки советских историков в 1930–1950-х гг. вновь обратиться к осмыслению связей православной церкви и ханов Золотой Орды также были не совсем удачными. Концепция и выводы, сформулированные Н.М. Покровским, оставались незыблемыми. В начале 1930-х гг. Е.Ф. Грекулов в своей работе о секуляризации церковного землевладения специально подчеркивал: «...зависимость церкви от государства была довольно сильна до татарского ига... И лишь завоевание Руси татарами освободило церковь от тягостной зависимости... Расширение политических и экономических прав церкви и освобождение ее от княжеской зависимости сделало церковных помещиков благодарными

сотрудниками татар; пользуясь своей независимостью, церковь стала проводить политику, отнюдь не выгодную для великокняжеской власти, проповедовала необходимость примирения с татарами, молилась за них, защищала интересы татар» [16. С. 7–8].

В начале 1940-х гг. появилась статья Н. Аникина, посвященная характеристике положения церкви в период монгольского владычества. Автор использовал основные работы дореволюционных исследователей, оперировал значительным количеством фактических данных. Однако общая методологическая позиция и далеко не полная источниковая база, к тому же недостаточно критически осмысленная, проявились прежними ошибками в выводах. Не сомневаясь, автор пишет: «...в лице духовенства Золотая Орда нашла ту силу, которая помогала ханам держать в повиновении Русь. И высшее духовенство приняло эту роль пособника поработителей, так как благоволение могущественных ханов создавало благоприятные условия духовенству для сохранения независимого от князей положения, для умножения богатств церкви» [17. С. 30]. Эта работа едва ли может быть отнесена к специальным исследованиям, скорее это был исторический очерк с заранее сформулированными выводами.

Утверждения о предательской роли духовенства во времена иноземного владычества стали повторяться в большинстве работ советских историков 50–60-х гг. XX в., посвященных различным вопросам, связанным с историей церкви. Приведем два характерных примера: «В лице православной церкви татаро-монгольские захватчики очень быстро нашли организацию, которая стала освящать их насилие над русским народом» [18. С. 15–16]; «Несть власти, аще не от бога, – вот что проповедовала христианская церковь. Эти публичные за ханов молитвы сдерживали гнев народа против ненавистного ему татарского ига» [19. С. 61].

Не выпал из общего ряда и широко цитируемый в свое время очерк И.У. Будовница «Духовенство и татарское иго», включенный в его монографию [20]. По рассматриваемой теме его выводы выглядели так: «...Золотоордынцы очень хорошо оценили значение церкви как мощного идеологического института, способного укрепить их владычество над Русью. На этой почве между носителями татарского ига и русской церковью установились полное взаимопонимание и взаимопомощь. Духовенство, рассматривая хана как “божий батог”, непрестанно внушая народу мысль о смирении, слепой покорности завоевателям, глушило всякое проявление протеста против ига и считало неуплату дани тяжким грехом. Со своей стороны, ханы Золотой Орды наделяли русское духовенство такими льготами и правами, которых оно не получало от своих князей до монгольского завоевания» [Там же. С. 328]. Поверхностное отношение к историческим реалиям приводило к фактическим ошибкам. Например, просто игнорировались довольно многочисленные летописные свидетельства о гибели во время нашествия войск Бату-хана и последующих ордынских вторжений на Русь священнослужителей и монахов. Перепись населения в Северо-Восточной Руси автор считал проведенной при хане Берке, хотя на самом деле она была

проведена при сыне хана Бату – Улагчи. В работе особо подчеркивалась фанатичная преданность Берке исламу, что также далеко не соответствует истине [Там же. С. 328–329]. Льготы православному духовенству при хане-фанатике да плюс к этому согласие на основание в 1261 г. православной епископии в своих владениях, видимо, должны были убедить даже самых скептических читателей в предательской роли церкви. Очерк И.У. Будовница ограничен хронологическими рамками XIII в., события следующего столетия в нем не затрагивались. Как и его предшественники, он использовал сведения, извлеченные из русских источников, мало привлекал материал по золотоордынской истории. Конкретный анализ становления и развития церковно-ордынских отношений в работе не производился. Сформулированная в ней оценка церкви и духовенства только как верных союзников золотоордынских правителей, прислуживавших им в ответ на предоставленные льготы, является результатом слишком упрощенного подхода к сложному комплексу социально-политических проблем русско-ордынских отношений.

Пожалуй, первым в советской историографии исследованием, нарушившим традицию рассматривать роль церкви во время ордынского господства только как предательскую, явилась кандидатская диссертация И.И. Бурейченко [21]. В круг его профессиональных интересов входили проблемы становления церковно-монастырского землевладения и последующего изменения его характера во второй половине XIV в. Изучая исторические и политические обстоятельства формирования монастырского землевладения, автор в специальном параграфе затрагивает проблему взаимоотношений церкви и ханов Золотой Орды [Там же. С. 340–360]. В этой части работы исследователь ставил своей задачей выявить влияние церковных поземельных связей на политику высших духовных иерархов в отношении ордынских властей и взаимоотношения с русскими князьями. О его стремлении к объективности свидетельствовал тезис о необходимости при изучении позиций церкви в политической и экономической сферах во второй половине XIII в. учитывать, что «...Русь потерпела поражение, и установившееся татаро-монгольское господство во всей его жестокости по форме и содержанию требовало от представителей правящей верхушки феодального общества страны особой гибкости» [Там же. С. 344]. Об объеме предоставленных ханами русскому духовенству привилегий было подмечено, что первоначально ярлыки не ограждали от налогов и вмешательства в хозяйственную жизнь со стороны княжеской администрации, а лишь от посягательств и злоупотреблений ордынских чиновников.

Общая политическая позиция церкви в диссертации охарактеризована отлично от господствовавшего в советской историографии мнения: «...духовные феодалы Руси в общей своей массе и в лице ее высших иерархов, как правило, проводили политику независимости от Орды, тем более что и ханская позиция не была безраздельно покровительственной» [Там же. С. 345]. Уловив изменения поземельных отношений, автор

фиксировал проявившийся в середине XIV в. фискальный интерес ханских властей к церкви. Исследуя пожалования духовенству в XIV в., подтвержденные сохранившимися ханскими ярлыками, И.И. Бурейченко приходит к выводу о высвобождении священнослужителей из под влияния светской администрации в княжествах Северо-Восточной Руси и переходу прерогатив дани и суда в церковных землях к ордынскому правителю. Такой вывод представляется весьма спорным, требующим комплекса более точно выверенных исторических аргументов и источниковедческих доказательств, нежели те, что были приведены автором. Он основан на не совсем верной трактовке ярлыков ханши Тайдулы неизвестному иерарху Иоанну (Ивану) 1347 г. и митрополиту Феогносту 1351 г., а также ярлыка хана Бердибека 1357 г. митрополиту Алексею. Как было показано в предыдущих работах автора данной статьи, получателем ярлыка 1347 г. являлся суздальский епископ. В целом же исследование И.И. Бурейченко представляет большой интерес для рассматриваемой темы, поскольку в нем впервые были реализованы некоторые новые подходы к ее изучению, основанные на лучших предшествующих достижениях источниковедения и историографии.

Наметившееся преодоление стереотипов в представлениях о взаимоотношениях церкви и правителей Золотой Орды было продолжено в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в публикациях Н.А. Охотиной. Статья «Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.)» [22] представила расширенный вариант более ранней работы «Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига (середина – втор. пол. XIII в.)» [23]. Предметом изучения в них являлись контакты между церковью и ордынскими властями на первом этапе установления отношений, хронологически ограниченном второй половиной XIII в. Выбор подходов для рассмотрения проблемы обозначил желание автора опираться на достижения и результаты дореволюционной историографии. В статьях приводились подтвержденные летописями факты разорения русских церквей и монастырей во время нашествия Бату-хана, но в то же время описывалась веротерпимость монгольских ханов. Бедствия страны, разделенные в это время церковью со всем обществом, по мнению Н.А. Охотиной, не могли вызвать у духовенства никаких других чувств, кроме ненависти. Касаясь объяснения церковью причин постигших страну бедствий «божьей карой», историк совершенно справедливо разъясняла, что целостной основой религиозного мировоззрения и средневекового мышления являлся провиденциализм. Исходя из этого, давалась оценка сложившейся исторической ситуации: «Было бы значительной передержкой обвинять церковников в том, что они сознательно стремились ввести в заблуждение слушателя и читателя, сочинив «теорию» о воздаянии за грехи. Напомним, что так же трактовались набеги кочевников – печенегов и половцев – и многие другие бедствия; ничего нового в разработку этой идеи в годы ордынского ига христианские идеологи не внесли» [23. С. 160–161]. В характеризуемых статьях широко использовались не только летописи,

но также агиографические и литературные произведения, однако по-прежнему в забвении оставались восточные источники и материалы по истории Золотой Орды. В отношении версии развития церковно-ордынских взаимоотношений, предложенной Н.А. Охотиной, следует заметить, что она выглядит упрощенной и не находит подтверждения в источниках.

Анализу церковно-ордынских связей была также посвящена статья А.И. Плигузова и А.Л. Хорошкевич «Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв.» [24]. Структурно она подразделялась на две части. В первой давался источниковедческий обзор изданий краткого собрания ярлыков и его рукописных списков. Эта часть работы содержательно и логически связана с публикацией обнаруженного А.И. Плигузовым первоначального текста древнерусского перевода краткого собрания ярлыков [25]. Во второй части рассматривалась политика монгольских правителей по отношению к русской церкви на протяжении XIII–XIV вв. В этом контексте исследователи предложили оригинальную трактовку некоторых вопросов положения церкви в данное время, взаимоотношений ее руководства со светскими властями. Более предметное выделение различий в религиозной политике ханов Золотой Орды в XIII и XIV вв. представляется безусловной заслугой авторов, но в данном вопросе необходимо гораздо масштабнее принимать во внимание развитие государственности и реформы в этой сфере в улусе Джучи. Интересны наблюдения о становлении конкретных форм отношений высшего духовенства и ордынской администрации, однако ряд положений представляется спорным. Например, маловероятным выглядит предположение об участии митрополичьих войск в военных экспедициях ханов вплоть до воцарения Берке, поскольку сомнительно само существование таких войск в то время. Также нельзя согласиться с утверждением, что лишь при хане Менгу-Темире положение церкви на Руси уравнилось с положением духовенства в остальных покоренных странах [24. С. 92–93]. Этот вывод не подтверждается источниками.

Кроме исследований, непосредственно посвященных изучению взаимоотношений русского духовенства и ордынских ханов, данная проблема затрагивалась в ряде общих работ по истории церкви. В одном из первых специальных трудов советского времени по истории русской церкви, подготовленном Н.М. Никольским, вопросы взаимоотношений духовенства и монгольских завоевателей совсем не затрагивались [26]. В других, как правило, остро ощущалась неразработанность конкретных вопросов положения церкви во время монгольского владычества над Русью. К числу таких работ следует отнести книгу М.С. Корзуна [27]. Несмотря на стремление автора опираться на исследования по истории Руси и Золотой Орды, атеистические задачи в работе явно преобладали. В главе III «Церковь во время борьбы Руси с иноземными захватчиками. Приспособление православия к монголо-татарскому владычеству» положение церкви и ее деятельность в XIII–XIV вв. характеризуется в духе концепции, изложенной еще М.Н. Покровским.

В обобщающих работах по истории русской церкви конца 1980-х гг. подобные взгляды, как правило, также доминировали [28. С. 68–79; 29. С. 54]. В них церковь показывалась как организация, стремящаяся лишь к улучшению своего материального и политического положения, подчас в ущерб начинающим оформляться национальным интересам Руси. В описании ее политики в отношении Золотой Орды упор делался исключительно на зависимости от привилегий ее ханов.

Влияние концепции М.Н. Покровского в оценке роли церкви во времена ордынского господства оказалось решающим и для А.С. Хорошева и Н.С. Борисова. В своих работах, очень популярных в 1980-х гг., они ссылались на его работу и цитировали уже известные нам выводы [30. С. 75; 31. С. 13]. Соответственно, при изложении материала о церковно-ордынских связях воспроизводились стереотипные положения и заключения советской историографии.

В 1991 г. появилась книга Р.Г. Скрынникова, где вывод о церкви как послушном орудии ордынской политики уже подвергался сомнению [32. С. 10]. Однако высказанные автором позднеперестроечной поры здравые суждения не были подкреплены конкретно-историческим анализом взаимоотношений духовенства и монгольских властей в XIII – первой половине XIV в., поскольку изложение событий в его работе начиналось со времен митрополита Алексея.

В историографическом обзоре нельзя не упомянуть работы по истории русско-ордынских отношений, авторы которых касались отдельных вопросов интересующей нас темы. Известнейший историк А.Н. Насонов в своем очень серьезном исследовании, раскрывшем этапы и различные стороны монгольского владычества на Руси, одновременно в основных чертах охарактеризовал позицию духовенства в это время [33]. При этом ученый исходил из конкретного анализа складывающейся обстановки, учитывал всю сложность положения русских княжеств в условиях иноземного завоевания. Но основное внимание в работе уделено изложению политической истории, что сказалось на рассмотрении вопросов о деятельности церкви. В частности, излишне политизированы причины создания в 1261 г. в Сарае кафедры православной епархии. В данном вопросе необходимо принимать в расчет специфическую социальную роль церкви, ее особые задачи как организации, отвечающей за идеологическое и нравственное состояние русского общества.

Широко известный труд Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского также может представлять интерес для исследования ордынской политики по отношению к русской церкви [34]. В книге охвачен весь период существования Золотой Орды, дается характеристика различных сторон ее жизни, в том числе и некоторых конфессиональных вопросов. Много внимания уделено русско-ордынским отношениям. О роли церкви сделан, очевидно, под влиянием господствующей концепции, довольно поспешный вывод: «Публичная молитва духовенства о ханах внедряла в массы мысль о необходимости подчинения татарской власти» [Там же. С. 223].

Изучению положения русских княжеств в первые десятилетия после нашествия Бату-хана посвящена монография В.В. Каргалова. Однако ее автор не занимался специально исследованием взаимоотношений духовенства и ордынских властей. В этих вопросах он опирался на результаты предшествующей историографии, что привело к зависимости в выводах. Деятельность церкви в ней сводится к соглашению с завоевателями и освящению их власти, хотя и отмечается малоизученность этих проблем [35. С. 133–173].

К вопросам взаимоотношений духовенства и ордынских ханов обращалась и М.Д. Полубояринова [36. С. 22–34]. В некоторых сюжетах автор лишь повторила умозаключения и мнения своих предшественников. Например, в общей оценке положения и деятельности церкви она без критики принимает выводы И.У. Будовница, хотя и использует труды дореволюционных ученых. Вместе с тем в работе представлены содержательные наблюдения о развитии конфессиональной политики золотоордынских ханов, дана подборка сведений о сарайских епископах. В последнем вопросе результаты могли быть еще более значимы, если бы автор использовала фундаментальную дореволюционную работу Н.А. Соловьева [14]. Большой интерес представляет археологическая часть ее работы, неопровержимо доказывающая наличие в составе золотоордынского населения значительного количества русских людей.

Традиционный для советской историографии вывод о поддержке церковью монгольского владычества представляется чисто умозрительным, предопределенным марксистско-атеистическими методологическими основами исторической науки данного периода и не имеющим фактического подтверждения в источниках. Неслучайно в современных условиях многие из вышеуказанных авторов, кто продолжает писать по проблемам, связанным с историей церкви, кардинально изменили свои оценки.

Исследования, осуществленные автором данной статьи и другими специалистами, позволяют сформулировать вывод, противоположный заключениям советской историографии.

В результате конфессиональной политики монгольских ханов православное духовенство оказалось в привилегированном положении по сравнению с остальным населением Руси, что определило двойственность его положения. Вместе с тем церковь вместе со всей Русью испытала на себе бедствия монгольского завоевания, и в дальнейшем духовенство, используя предоставленные ханами льготы, совсем не стремилось выдвигать свои интересы в ущерб народу и русским князьям. Напротив, можно утверждать, что церковь как составная часть русского общества, насколько это было возможно в сложный период иноземного господства, стремилась отстаивать общенародные интересы. Ее высшие иерархи поддерживали общеполитические объединительные тенденции, оказывали княжеской власти всестороннюю помощь и, опираясь на свой духовный авторитет, пытались содействовать выработке более щадящих форм взаимоотношений Руси с Золотой Ордой.

Список источников

1. Послания Иосифа Волоцкого. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 390 с.
2. Платон (Левшин), митрополит. Краткая российская церковная история : в 2 т. М. : Синодальная тип., 1805. Т. 1. 388 с.; Т. 2. 352 с.
3. Филарет (Гумилевский). История русской церкви. Период второй, Монгольский, от опустошения России монголами до разделения митрополии. 1237–1410. М. : Тип. Александра Семена, 1848. 176 с.
4. Макарий (Булгаков). Успехи православной церкви в период монгольский // Христианское чтение. 1859. № 6.
5. Макарий (Булгаков). Русские монастыри в период монгольский // Христианское чтение. 1861. № 9.
6. Макарий (Булгаков). История русской церкви в период монгольский. СПб., 1866. Т. 4, кн. 1. 387 с.; Т. 5, кн. 2. 475 с.
7. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви : репринт. М. : Наука, 1991. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 576 с.
8. Григорьев В.В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству : ист.-филол. исслед. М. : Унив. тип., 1842. 132 с.
9. Образцов П. Как отразилось на историю православного русского духовенства монгольское владычество с его дальнейшими результатами. Смоленск : тип. подпор. Переплетчикова, 1867. 116 с.
10. Голубинский Е.Е. История русской церкви. М. : Синодальная тип., 1900. Т. 2: Период второй Московский: от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. Ч. 1. 918 с.; 1917. Ч. 2. 616 с.
11. Присёлков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград : Научное дело, 1916. 125 с.
12. Соколов П.П. Подложный ярлык хана Узбека митрополиту Петру // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 70–85.
13. Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев : тип. И.И. Чоколова, 1913. 577 с.
14. Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1894. Кн. 3. С. 1–226.
15. Покровский М.Н. Феодализация православной церкви и татарское иго // Религия и церковь в истории России. М. : Мысль, 1975. С. 106–113.
16. Грекулов Е.Ф. Секуляризация церковных имений в России. М. : Атеист, 1931. 78 с.
17. Аникин Н. Монгольское иго и русская церковь (исторический очерк) // Антирелигиозник. 1940. № 5–6. С. 27–31.
18. Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 186 с.
19. Гантаев Н.М. Церковь и феодализм на Руси. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 168 с.
20. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси. (XI–XIV вв.). М. : Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.
21. Бурейченко И.И. Монастырское землевладение и хозяйство Северо-Восточной Руси второй пол. XIV в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 555 с.
22. Охотина Н.А. Изменения в положении Киевской митрополии в условиях монголо-татарского ига (середина – вторая половина XIII в.) // Религии мира : история и современность : ежегодник : 1987. М. : Наука, 1989. С. 157–175.
23. Охотина Н.А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М. : Наука, 1990. С. 67–84.
24. Плигузов А.И., Хорошкевич А.Л. Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России. М. : Наука, 1990. С. 84–102.
25. Плигузов А.И. Древнейший список краткого собрания ярлыков, данных золотоордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. М. : Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. Вып. 3. С. 578–594.
26. Никольский Н.М. История русской церкви. М. : Политиздат, 1983. 448 с.
27. Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X в. – 1917. Минск : Беларусь, 1984. 256 с.
28. Русское православие: вехи истории. М. : Политиздат, 1989. 719 с.
29. Христианство и Русь : сб. статей. М. : Наука, 1988. 136 с.
30. Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации XI–XVI вв. М. : МГУ, 1986. 206 с.
31. Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М. : МГУ, 1986. 207 с.
32. Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск : Наука, 1991. 397 с.
33. Насонов А.Н. Монголы и Русь : (история татарской политики на Руси). М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1940. 177 с.
34. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.
35. Каргалов Н.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники М. : Высш. школа, 1967. 263 с.
36. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М. : Наука, 1978. 134 с.

References

1. Volotsky, J. (1959) *Poslaniya Iosifa Volotskogo* [Messages of Joseph Volotsky]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Platon (Levshin). (1805) *Kratkaya rossiyskaya tserkovnaya istoriya: v 2 t.* [Brief Russian Church History: in 2 vols]. Moscow: Sinodal'naya tip.
3. Filaret (Gumilevskiy). (1848) *Istoriya russkoy tserkvi. Period vtoroy, Mongol'skiy, ot opustosheniya Rossii mongolami do razdeleniya mitropolii. 1237–1410* [History of the Russian Church. The second period, Mongolian, from the devastation of Russia by the Mongols to the division of the metropolis. 1237–1410]. Moscow: Tip. Aleksandra Semena, 1848. 176 s.
4. Macarius (Bulgakov). (1859) *Uspekhi pravoslavnoy tserkvi v period mongol'skiy* [Successes of the Orthodox Church in the Mongolian Period]. *Khristianskoe chtenie*. 6.
5. Macarius (Bulgakov). (1861) *Russkie monastiri v period mongol'skiy* [Russian monasteries in the Mongolian period]. *Khristianskoe chtenie*. 9.
6. Macarius (Bulgakov). (1886) *Istoriya russkoy tserkvi v period mongol'skiy* [The history of the Russian church in the Mongolian period]. Vol. 4, 5. St. Petersburg: [s.n.].
7. Kartashev, A.V. (1991) *Ocherki po istorii russkoy tserkvi: reprint* [Essays on the history of the Russian Church: a reprint]. Vol. 1, 2. Moscow: Nauka.
8. Grigoriev, V.V. (1842) *O dostovernosti yarlykov, dannyykh khanami Zolotoy Ordy russkomu dukhovenstvu* [On the reliability of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. Moscow: Univ. tip.
9. Obraztsov, P. (1867) *Kak otrazilos' na istoriyu pravoslavnogo russkogo dukhovenstva mongol'skoe vladychestvo s ego dal'neyshimi rezul'tatami* [How did Mongol domination affect the history of the Orthodox Russian clergy with its further results]. Smolensk: tip. podpor. Perepletkhikova.
10. Golubinskiy, E.E. (1900) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. Vol. 2. Moscow: Sinodal'naya tip.
11. Priselkov, M.D. (1916) *Khanskie yarlyki russkim mitropolitam* [Khan's yarlyks to Russian metropolitans]. Petrograd: Nauchnoe delo.
12. Sokolov, P.P. (1918) *Podlozhnyy yarlyk khana Uzbeka mitropolitu Petru* [A false yarlyk of Khan Uzbek to Metropolitan Peter]. *Russkiy istoricheskiy zhurnal*. 5. pp. 70–85.
13. Sokolov, P.P. (1913) *Russkiy arkhierей iz Vizantii i pravo ego naznacheniya do nachala XV v.* [A Russian bishop from Byzantium and the right of his appointment until the beginning of the 15th century]. Kiev: tip. I.I. Chokolova.
14. Soloviev, N.A. (1894) *Sarayskaya i Krutitskaya eparkhii* [Sarai and Krutitskaya eparchies]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*. 3. pp. 1–226.
15. Pokrovskiy, M.N. (1975) *Feodalizatsiya pravoslavnoy tserkvi i tatarskoe igo* [Feudalization of the Orthodox Church and the Tatar Yoke]. In: *Religiya i tserkov' v istorii Rossii* [Religion and the Church in the History of Russia]. Moscow: Mysl'. pp. 106–113.

16. Grekulov, E.F. (1931) *Sekulyarizatsiya tserkovnykh imeniy v Rossii* [Secularization of church estates in Russia]. Moscow: Ateist.
17. Anikin, N. (1940) *Mongol'skoe igo i russkaya tserkov'* (istoricheskiy ocherk) [The Mongolian yoke and the Russian Church (a historical essay)]. *Antireligioznik*. 5-6. pp. 27–31.
18. Samsonov, A.M. (1955) *Antifeodal'nye narodnye vosstaniya v Rossii i tserkov'* [Anti-feudal Popular Uprisings in Russia and the Church]. Moscow: USSR AS.
19. Gantaev, N.M. (1960) *Tserkov' i feodalizm na Rusi* [Church and Feudalism in Rus]. Moscow: USSR AS.
20. Budovits, I.U. (1960) *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevney Rusi. (XI–XIV vv.)* [Socio-political thought of Old Rus (the 11th – 14th centuries)]. Moscow: USSR AS.
21. Bureychenko, I.I. (1966) *Monastyrskoe zemlevladienie i khozyaystvo Severo-Vostochnoy Rusi vtoroy pol. XIV v.* [Monastic land tenure and economy of North-Eastern Rus, the second half of the 14th century]. History Cand. Diss. Moscow.
22. Okhotina, N.A. (1989) *Izmeneniya v polozhenii Kievskoy mitropolii v usloviyakh mongolo-tatarskogo iga (seredina – vtoraya polovina XIII v.)* [Changes in the position of the Kyiv Metropolis under the conditions of the Mongol-Tatar yoke (the mid – the second half of the 13th century)]. In: *Religii mira: istoriya i sovremennost'* [Religions of the World: History and Modernity]. Moscow: Nauka. pp. 157–175.
23. Okhotina, N.A. (1990) *Russkaya tserkov' i mongol'skoe zavoevanie (XIII v.)* [Russian Church and the Mongol conquest (13th century)]. In: Klibanov, A.I. (ed.) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Church, Society and State in Feudal Russia]. Moscow: Nauka. pp. 67–84.
24. Pliguzov, A.I. & Khoroshkevich, A.L. (1990) *Russkaya tserkov' i antiordynskaya bor'ba v XIII–XV vv. (po materialam kratkogo sobraniya khanskiykh yarlykov russkim mitropolitam)* [The Russian church and the anti-Horde struggle in the 13th–15th centuries (based on materials from a brief collection of khan's yarlyks to Russian metropolitans)]. In: Klibanov, A.I. (ed.) *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii* [Church, Society and State in Feudal Russia]. Moscow: Nauka. pp. 84–102.
25. Pliguzov, A.I. (1987) *Drevneyshiy spisok kratkogo sobraniya yarlykov, dannyykh zoltoordynskimi khanami russkim mitropolitam* [The oldest list of a brief collection of yarlyks given by the Golden Horde khans to Russian metropolitans]. In: *Russkiy feodal'nyy arkhiv XIV – pervoy treti XVI v.* [Russian Feudal Archive of the 14th – First Third of the 16th Century]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 578–594.
26. Nikolskiy, N.M. (1983) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of Russian Church]. Moscow: Politizdat.
27. Korzun, M.S. (1984) *Russkaya pravoslavnyaya tserkov' na sluzhbe ekspluatatorskiykh klassov. Kh v. – 1917* [The Russian Orthodox Church in the service of the exploiting classes. The 10th century – 1917]. Minsk: Belarus'.
28. Klibanov, A.I. (ed.) (1989) *Russkoe pravoslaviye: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones of History]. Moscow: Politizdat.
29. Anon. (1988) *Khristianstvo i Rus'* [Christianity and Rus]. Moscow: Nauka.
30. Khoroshev, A.S. (1986) *Politicheskaya istoriya russkoy kanonizatsii XI–XVI vv.* [Political history of Russian canonization in the 11th–16th centuries]. Moscow: MSU.
31. Borisov, N.S. (1986) *Russkaya tserkov' v politicheskoy bor'be XIV–XV vv.* [The Russian Church in the political struggle of the 14th – 15th centuries]. Moscow: MSU.
32. Skrynnikov, R.G. (1991) *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XVI vv. Podvizhniki russkoy tserkvi* [State and Church in Rus in the 14th – 16th centuries. Ascetics of the Russian Church]. Novosibirsk: Nauka.
33. Nasonov, A.N. (1940) *Mongoly i Rus': (istoriya tatarskoy politiki na Rusi)* [Mongols and Rus: (the history of the Tatar policy in Rus)]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
34. Grekov, B.D. & Yakubovskiy, A.Yu. (1950) *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
35. Kargalov, V.V. (1967) *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [Foreign policy factors in the development of feudal Rus. Feudal Rus and nomads]. Moscow: Vysshaya shkola.
36. Poluboyarinova, M.D. (1978) *Russkie lyudi v Zolotoy Orde* [Russian People in the Golden Horde]. Moscow: Nauka.

Сведения об авторе:

Сочнев Юрий Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижегород, Россия). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Sochnev Yuriy V. – Ph.D. (History), Associate Professor of Department of Theory and History of Law and State Higher School of Economics National Research University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2017; принята к публикации 11.11.2022

The article was submitted 14.07.2017; accepted for publication 11.11.2022